

Раздел IV

ЭТНОКУЛЬТУРНОЕ И ЛИТЕРАТУРНОЕ НАСЛЕДИЕ СЕВЕРА

В. И. Йохельсон

ШАМАНИЗМ И ЗАКЛИНАНИЯ (Перевод избранных глав Л. А. Абрамян)

Статья представляет собой перевод избранных глав из книги Владимира Ильича Йохельсона «Коряки. Материальная культура и социальная организация».

Настоящая глава затрагивает такую важную часть духовной культуры коряков, как шаманизм. В. Йохельсон описывает такие виды шаманизма, как семейный и профессиональный, и приводит описание двух шаманских ритуалов, свидетелем которых он был. Далее он рассказывает о таком неменном атрибуте шамана, как бубен. В конце главы он приводит 5 шаманских текстов, которые ему рассказали две женщины.

Ключевые слова: коряки, шаманы, амулеты, бубен, Создатель, заклинания, шаманизм, семейный шаманизм, профессиональный шаманизм.

V. I. Jochelson

SHAMANISM AND INCANTATIONS (The selected chapters translated by L. A. Abramyan)

The article presents the translation of the selected chapters from the book «The Koryak. Material culture and social organization» by W. Jochelson.

It deals with such an important aspect of the spiritual life of the Koryaks as shamanism. W. Jochelson describes such kinds of shamanism as family and professional ones and describes two shamanistic rituals he witnessed. Then he tells about such an essential attribute of a shaman as a drum. At the end of the chapter he provides 5 shamanistic texts that were presented him by two women.

Keywords: Koryak, shaman, amulet, drum, Creator, incantation, shamanism, family shamanism, professional shamanism.

Статья представляет собой перевод главы «Шаманизм и заклинания» из книги Владимира Ильича Йохельсона «Коряки. Материальная культура и социальная организация».

Зимой 1900–1901 гг. В. И. Йохельсон проводил этнологические исследования среди коряков. Его работа была частью Северо-Тихоокеанской Джебуповской экспедиции, и книга «Коряки. Материальная культура и социальная организация» содержит результаты его исследований.

Шаманизм. Общие примечания

Шаманизм можно определить как искусство воздействия на ход событий с помощью духов-хранителей. У коряков мы можем различать профессиональный шаманизм и семейный шаманизм. Профессиональные шаманы – это те, в кого вселяются особые духи. Их возможности для проявления своих способностей не ограничиваются определённой группой людей. Чем они могущественнее, тем шире круг, в ко-

тором они могут практиковать своё мастерство. Семейный шаманизм связан с домашним очагом, благополучие которого находится под его опекой. Семейный шаман несёт ответственность за празднование семейных праздников, ритуалы, обряды жертвоприношений, использование оберегов, амулетов и заклинаний. Некоторые женщины обладают, помимо знания заклинаний, являющихся семейной тайной, большим количеством других заклинаний, которые они используют вне семейного круга за вознаграждение.

Профессиональные шаманы

Профессиональный шаман называется эңецыл'гын (то есть человек, одержимый духами), от слова «эңэң» (дух шамана). У каждого шамана есть собственные духи-хранители, которые помогают ему в борьбе с вызывающими болезни калау в соперничестве с другими шаманами, а также в нападениях на своих врагов. Шаманские духи обычно появляются

в виде животных или птиц. Самыми распространёнными духами-хранителями являются волк, медведь, ворон, чайка и орёл.

Никто не становится шаманом по своему собственному желанию. Духи входят в любого человека по своему выбору и заставляют его стать своим служителем. Становятся шаманами обычно нервные молодые мужчины, подверженные истерическим припадкам, посредством которых духи выражают своё требование, чтобы юноша посвятил себя шаманизму. Мне говорили, что у молодых людей, которые вот-вот собираются стать шаманами, бывают приступы диких припадков, чередующихся с состоянием полного истощения. Они лежат неподвижно в течение двух-трёх дней без приёма пищи и воды. Наконец они удаляются в дикую местность, где проводят время, перетерпевая голод и холод, чтобы подготовиться к своему призванию. Там к ним являются духи в видимой для них форме, наделяя их силой и наставляя их. Второй из двух шаманов, о которых речь пойдёт ниже, рассказал мне, как духи волка, ворона, медведя, чайки и ржанки являлись ему в пустынной местности то в образе людей, то в образе животных, и повелили ему стать шаманом или умереть.

Нет сомнений, что профессиональный шаманизм развился из обрядов семейного шаманизма. Последняя форма более примитивна, в то время как функции профессиональных шаманов чем-то напоминают функции священников. Однако влияние контактов с более высокой цивилизацией имело катастрофические последствия больше для профессионального шаманизма, нежели для того, что практикуется в семье.

Очень странно, что и Стеллер, и Крашенинников, прожившие несколько лет на Камчатке, утверждают, что у камчадалов не было профессиональных шаманов, а этим мастерством могли заниматься все, особенно женщины и мужчины, переодетые в женскую одежду; что не было никакой особой шаманской одежды; что они не использовали бубен, а просто произносили заклинания и занимались предсказаниями, и их описание больше похоже на семейный шаманизм, который практикуется в наши дни. Маловероятно, что камчадалы составляли исключение среди остальных азиатских и американских племён, не имея профессиональных шаманов.

Было время, когда у коряков были все виды шаманов, которые до сих пор существуют

у чукчей. Коряки рассказывают о чудесах, совершённых недавно умершими шаманами, но в настоящее время среди них очень мало профессиональных шаманов. Я не нашёл ни одного шамана в поселениях береговых коряков вдоль Пенжинской губы. Старики из этих поселений рассказали мне, что у них многие люди умерли во время эпидемии кори, опустошившей эти края до моего приезда, потому что не было шаманов, чтобы отогнать болезнь.

У корякских шаманов не было своих бубнов: они использовали бубны, принадлежащие той семье, в которой происходил шаманский обряд. Создаётся впечатление, что они не носят особой одежды: по крайней мере, шаманы, которых мне довелось наблюдать, носили обычную одежду. Одна украшенная вышивкой куртка (*кухлянка*. – *Прим. пер.*) и головная повязка были проданы мне для моей коллекции как одежда, использованная алюторским шаманом; но куртка похожа на обычный танцевальный костюм, который используют на празднике китов, за исключением того, что у неё есть несколько маленьких кисточек, по-видимому, заимствованных у тунгусских шаманов.

В течение всего периода моего пребывания среди коряков у меня была возможность увидеть только двух шаманов. Оба были молодыми людьми, и ни один из них не пользовался особым уважением со стороны своих родственников. Оба были бедными людьми, которые работали в качестве рабочих для богатых членов своего племени. Один из них был береговым коряком из Олюторки. Обычно он приезжал в с. Каменское вместе с корякским торговцем. Он был застенчивым юношей. Лицо у него было немного грубоватое, но подвижное и приятное, а глаза горящие. Я попросил его показать мне своё шаманское мастерство. В отличие от других шаманов, он согласился, не дожидаясь уговоров. Люди погасили масляные лампы в землянке, в которой он остановился вместе со своим хозяином. Только несколько угольков тлели в очаге, и в доме было практически темно. На большом помосте, установленном в передней части дома в качестве сиденья и места ночлега для гостей, и недалеко от того места, где сидели мы с женой, мы могли едва различить шамана в обыкновенной ворсистой рубаше из оленьей шкуры, который сидел на корточках на помосте, покрытом оленьими шкурами. Его лицо было сокрыто большим овальным бубном.

Внезапно он начал тихо бить в бубен и петь жалобным голосом: затем удары в бубен

становились все сильнее и сильнее; и его песня, в которой можно было услышать звуки, имитирующие вой волка, кряхтение нырка и голоса других животных, его духов-хранителей, – казалось, звучит то из ближайшего к моему месту угла, то с противоположного конца, то опять с середины дома, а то и казалось, она исходит из потолка. Он был чревовещателем. Считается, что шаманы, сведущие в этом искусстве, обладают особой силой. И также его бубен, казалось, звучит то у меня над головой, то у ног, то за спиной и опять передо мной. Я ничего не видел; но мне казалось, что шаман двигался вокруг нас, бесшумно ступая своей меховой обувью по помосту, то удаляясь на некоторое расстояние, то приближаясь, слегка подпрыгивая и приседая на пятки.

Внезапно звук бубна и пение прекратились. Когда женщины снова зажгли лампы, он лежал совершенно измождённый на белой оленьей шкуре, на которой он сидел перед шаманским представлением. Заключительные слова шамана, которые он произнёс речитативом, были сказаны так, будто их произнёс дух, которого он вызвал, и который заявил, что «болезнь» оставила деревню и больше не вернётся.

Предсказание шамана меня вполне устроило, ибо один из старых коряков запретил своим детям входить в дом, где я остановился, чтобы снять с них мерки, говоря, что они умрут, если позволят себя измерить. Он также пытался настроить против меня других коряков, указывая им, что после отъезда доктора Слюнина (*доктор медицины Николай Васильевич Слюнин в 1895–1898 гг. участвовал в Охотско-Камчатской экспедиции. – Прим. пер.*) вспыхнула эпидемия кори, и что то же самое произойдёт после моего отъезда.

Я назначил встречу с хозяином шамана, чтобы он на следующий день посетил меня вместе с шаманом. Я хотел записать тексты заклинаний, которые я слышал, но когда утром я проснулся, мне сообщили, что шаман ушёл на рассвете.

Другого шамана я видел среди оленних коряков полуострова Тайгонос. Его вызвали из дальнего стойбища для лечения больного сифилисом, у которого были большие язвы в горле, из-за которых он не мог глотать. Я не присутствовал при лечении больного, поскольку тот проживал в другом стойбище на расстоянии нескольких миль от нас, и я узнал о совершении обряда только после его завершения. Коряки заверили меня, что больной почувствовал облегчение сразу после шаманского обряда, и что он без труда выпил

две чашки чая. Среди прочего, шаман приказал изолировать больного от его родственников, поскольку духи, которые вызвали болезнь, могли перейти к другим. Рядом с основной ярангой поставили отдельную палатку для больного и его жены, которая за ним ухаживала.

Я жил в доме брата больного, официального главы тайгоноских коряков. По моей просьбе он отправил оленя, чтобы привезли шамана. Шаман прибыл. Его внешность не вызывала особого доверия. Чтобы получить большее вознаграждение, сначала под разными предложениями он отказывался показать своё мастерство. Я попросил его «*посмотреть мою дорогу*», то есть предсказать, доеду ли я благополучно до конца своего пути. Официальный глава сказал, что это действие должно состояться в моей собственной яранге, а не в чьей-то ещё; но шаман заявил, что его духи не войдут в жилище русского человека, и что ему грозит смертельная опасность, если он вызовет духов для иностранца. В конце концов было решено, что опасность для шамана будет устранена, если дать ему достаточно большое вознаграждение, чтобы полностью удовлетворить духов. Я пообещал дать шаману не только красную фланелевую рубашку, которая ему очень понравилась, но и большой бельгийский нож. Сначала я предложил ему на выбор один из двух предметов, но он заявил, что его духам понравился и тот, и другой.

Другая проблема возникла с бубном. Но глава сам разрешил её при помощи казуистики. Он отдал свой собственный бубен, сказав, что семейный бубен нельзя принести в другой корякский дом, но допустимо принести его в мой. Одна из трёх жён главы принесла бубен в мою ярангу. Это был особый случай, поскольку бубен нельзя выносить из дома без чехла. Нарушение этого запрета могло вызвать метель.

Во время шаманского ритуала присутствовали, кроме меня и моей жены, глава, его жена, которая принесла бубен, мой казак и переводчик. Шаман сидел на полу в углу яранги недалеко от входа. Он сидел со скрещёнными ногами и время от времени вставал на колени. Он яростно бил в бубен и пел громким голосом, призывая духов. Как он объяснил мне после церемонии, его главными духами-хранителями были медведь (Нотакавъя), волк (Умъяг'илг'ын) и ворон. Появление духов этих животных сопровождалось имитациями звуков, характерных для них. Через их посредничество он обратился к Верховному божеству (Гычголын) со следующей песней, которая сопровождалась звуками

бубна: *«Хорошо бы, чтобы он добрался. Так же хорошо бы, чтобы я тоже достиг своего дома».*

То есть *«Позволь ему благополучно добраться до дома и позволь мне благополучно добраться до дома».* Внезапно посреди дикого пения и звука бубна он остановился и сказал мне: *«Духи говорят, что я должен порезать себя ножом. Ты не испугаешься?».* *«Ты можешь порезать себя, я не боюсь»*, – ответил я. *«Тогда дай мне свой нож. Я читаю свои заклинания для тебя, так что я должен порезать себя твоим ножом»*, – сказал он. По правде говоря, я начал чувствовать себя несколько неловко; в то время как моя жена, сидевшая на полу рядом со мной, была полностью ошеломлена дикими воплями и звуками бубна и умоляла меня не давать ему нож.

До того момента я слышал разные рассказы о том, что шаманы разрезали себе живот, но никогда раньше не видел. В горах Палпал (Palpal Mountains) мне рассказали, что одна шаманка, которая недавно умерла, лечила больных, вскрывая поражённое место, вырезая кусочек плоти и проглатывая его, тем самым уничтожая болезнь вместе с духом, который её вызвал. Говорили, что рана, которую она наносила, заживала сразу же.

Несколько раз я видел ритуалы тунгусского шамана, прозванного Машка, который впоследствии служил мне гидом на пути из Гижиги до Колымы. Он утверждал, что его хранители принадлежали к корякским духам, и требовали, чтобы он резал себя ножом. Дикие припадки экстаза, которые овладевали им во время обряда, пугали меня. В таких случаях он требовал подарить ему в качестве подарка нож или копье. Он женился на юкагирке с реки Коркодон, чей брат тоже был шаманом. Она всегда обыскивала его перед обрядом, отбирала у него все ножи и требовала у всех присутствующих не давать ему никаких острых инструментов, так как однажды он порезал себя чуть не до смерти. Его духи, будучи корякского происхождения, вещали через него на корякском языке; то есть часть обряда была на корякском языке. Я несколько раз просил его продиктовать мне, что говорили его духи, и он неизменно отвечал, что не помнил, что забыл все после того, как обряд закончился, и что, кроме того, он не понимал язык своих духов. Сначала я думал, что он меня обманывает; но потом у меня было несколько возможностей убедиться, что он действительно не понимает корякский язык. Очевидно, он выучил наизусть корякские заклинания, которые мог произнести только в состоянии возбуждения.

Вернёмся к нашему корякскому шаману. Я вытащил из ножен свой финский дорожный нож, который выглядел как кинжал, и дал ему. Освещение в яранге было погашено; но тусклого света арктической весенней ночи (дело было в апреле), пробивавшейся через полотно палатки, было мне достаточно, чтобы следить за движениями шамана. Он взял нож, бил в бубен и пел, говоря духам, что готов исполнить их пожелания. Через некоторое время он отложил бубен, и издавая дребезжащий звук из горла, вонзил нож в свою грудь по самую рукоять. Однако я заметил, что после того, как он порезал себе куртку, он направил нож вниз. Он вытащил нож с тем же дребезжанием в горле и снова стал бить в бубен. Затем он повернулся ко мне и сказал, что духи обеспечили мне благополучное путешествие по корякской земле, и предсказал, что Глава-Солнце (Тыйкейым), то есть Царь, вознаградит меня за мои труды.

Вопреки моим ожиданиям, он вернул мне нож (я думал, что он скажет, что нож, которым он порезал себя, должен остаться у него), и сквозь прореху в своей куртке показал пятна крови на теле. Конечно, эти пятна были сделаны раньше. Однако это не может рассматриваться как простой обман. Вещи видимые и воображаемые смешиваются до такой степени в примитивном сознании, что, возможно, сам шаман думал, что на его теле была невидимая для других настоящая рана, как того требовали духи. Однако простые коряки уверены, что шаман на самом деле режет себя, и рана тут же заживает.

<...>

Семейный шаманизм. Бубен

В главе об охранителях и оберегах я упоминал о бубне как об обереге домашнего хозяйства. В связи с профессиональным шаманизмом я упоминал, что бубен тесно связан с шаманскими обрядами, но не с личностью шамана, как это принято у других азиатских шаманов. Здесь я укажу на ту роль, которую бубен играет в семейном шаманизме.

Сила бубна заключается в звуках, которые он издаёт. С одной стороны, ритм и изменение высоты звука, создаваемые умелыми ударами колотушки, вызывают эмоциональное возбуждение у примитивного человека, что ставит бубен в один ряд с музыкальными инструментами. С другой стороны, звук бубна, как голос человека или песня, сам по себе считается чем-то живым, способным воздействовать на невидимых духов. Юкагиры говорят, что колотушка –

это язык бубна. Как видно из сказки 9, даже самому Создателю в его созидательной деятельности нужен бубен. Большой Ворон одолжил у него бубен и отдал его людям.

Следующая песня, которую пела женщина из оленных коряков с полуострова Тайгонос, ударяя в бубен, и которую можно рассматривать как молитву Создателю (Тынантомван), к которому она была обращена, характеризует его отношение к приобретению людьми бубна: *«Ты сказал нам: "Сделайте бубен". Теперь дай нам хорошую жизнь, также храни наших оленей и после нашей смерти даруй хорошую жизнь нашим детям»*.

В соответствии с двойственным назначением бубна, как музыкального инструмента и священного предмета в домашнем хозяйстве, он используется не только в обрядах. Каждый член семьи может бить в бубен. По нему бьют для развлечения, для заклинаний, для умиловления богов, для вызова духов, а также во время семейных и церемониальных праздников. Однако в каждой семье есть один член, который становится особенно искусным в игре на бубне, и который проводит все обряды во время праздников. Женщины обычно преуспевают в искусстве игры на бубне.

Корякский бубен (яяй) имеет немного овальную форму. <...> Его продольный диаметр составляет 73 см, высота обода – 5 см, а длина колотушки – 45 см. Мембрана закрывает бубен только с одной стороны. Она изготовлена из шкуры северного оленя. Береговые коряки иногда изготавливают мембрану из шкуры собаки или молодого пятнистого тюленя. Колотушка сделана из тонкой пластинки китового уса, которая на том конце, который ударяет по барабану, шире, чем на другом, и покрыта шкурой с волчьего хвоста. Внутри барабана, в четырёх местах на ободе ближе к основанию, завязаны двойные шнуры из крапивных волокон, которые пересекаются в нижней части бубна и образуют ручку. Эти шнуры расположены не симметрично, а ближе к одной из сторон бубна. К верхнему краю обода прикреплены железные погремушки. Вне всякого сомнения, традиция прикреплять к бубну такие погремушки заимствована у тунгусов. Не все корякские бубны, которые я видел, имели железные погремушки. Перед использованием бубен нагревался у огня. Таким образом шкура становилась тугой, а звуки более чистыми и звучными.

<...>

Заклинания

<...> Почти в каждой семье есть какая-то женщина, обычно пожилая, которая знает какие-нибудь магические тексты; но во многих случаях некоторые конкретные женщины становятся известными как специалисты в применении заклинаний и в этом отношении они соперничают по могуществу с профессиональными шаманами.

Вера в магические тексты заключается в том, что произнесённые слова могут повлиять на ход событий, и что духи часто прислушиваются к ним; или в том, что действие, описанное в тексте заклинания применительно к конкретному случаю, произойдёт в реальности. Таким образом лечат болезни, освящают амулеты и обереги, привлекают животных, которые служат пищей, и изгоняют злых духов.

Все заклинания исходят от Создателя (Тынантомван). Он завещал их человечеству, чтобы помочь ему в борьбе с калау. Он и его жена Мити выступают в качестве действующих лиц в драматическом повествовании, составляющем содержание магических текстов. Заклинания передаются из поколения в поколение, но каждая женщина, сведущая в этом искусстве, считает свои тексты тайной, которая, если её разгласить, потеряет свою силу. Магический текст не может служить предметом повседневного пользования. Эти женщины при проговаривании заклинания произносят текст и одновременно выполняют описанные в нем действия. Это делается за вознаграждение. Я знаю женщину с полуострова Тайгонос, чей муж был беден и ни на что не годен, и которая зарабатывала на жизнь заклинаниями. *«Магические тексты – мои олени, они меня кормят»*, – сказала она мне. Хорошее заклинание стоит нескольких плиток прессованного чая, или нескольких пачек табака, или оленя. Когда женщина продаёт заклинание, она должна пообещать, что полностью откажется от него, и что покупатель станет единственным обладателем его таинственной силы.

На первых порах моего пребывания среди коряков я не смог записать ни одного заклинательного текста. Продавать заклинания иностранцу считается грехом. Только после того, как я прожил с ними несколько месяцев, я смог записать приведённые ниже заклинания. Тексты 1–3 мне рассказала Навакут, женщина из береговых коряков из села Куэл (Kuel), а тексты 4 и 5 – Тыккен, женщина из оленных коряков из стойбища на реке Тополовая (Topolovka River). Перед тем как продиктовать их мне, женщины

выгнали из дома всех коряков, кроме моего переводчика, чтобы они не использовали тексты, не заплатив за них.

1. Заклинание для защиты одинокого путешественника от злых духов

Свободный перевод

Создатель начал беспокоиться и сказал: *«Моего сына, вероятно, унесёт кала; кала унесёт его, когда он будет спать один в пустынном месте»*. Поэтому Создатель превратил своего сына в экскременты, потому что кала не любит, как они пахнут. Так сын Создателя спокойно заснул и проснулся невредимым.

В этом заклинании характерно верование в то, что сын Создателя (то есть путешественник), заколдованный таким образом, пока готовился к ночлегу в пустыне, на самом деле превращён Создателем в экскременты, подобно тому, как в корякских и камчадалских сказках экскременты Большого Ворона принимают форму женщины. Нечто похожее на эту идею, хотя и несколько отклоняющееся от неё, обнаруживается в связи с аналогичными мерами, принимаемыми в других частях Сибири для защиты от злых духов. У коренных жителей Алтая, если человек теряет всех своих детей, одного за другим, его новорожденному ребёнку дают как можно более неблагозвучное имя: например, Ит-коден («собачья задница»), пытаюсь таким образом обмануть духов, похищающих душу, заставляя их поверить, что это на самом деле собачья задница. Аналогичным образом, желая убедить духов, что новорожденный – щенок, якуты называют ребёнка ит-охото, то есть «собачий ребёнок». Гиляки, возвращаясь домой после охоты, называют свою деревню Отх-миф («страной экскрементов»), веря, что злые духи не последуют за ними в такую плохую деревню.

2. Заклинание для заговора амулета для женщины

Свободный перевод

Подумал Создатель и сказал: *«Что мне принести для моей больной дочери?»* Затем он добыл амулет, принёс его своей дочери и надел на неё, чтобы духи не посещали её. Таким образом, амулет предотвратил посещение духов.

3. Заклинание для лечения от головной боли

Свободный перевод

Создатель сам вызвал головную боль у своей дочери. Он отправился в пустыню и настиг пару – калу с женой. У калы был топор, у его жены – женский нож. Создатель забрал эту пару и привёз их к себе домой. Тогда кала начал колотить своим топором по голове дочери Созда-

теля, а жена кала начала рубить голову девушки своим ножом. Мити, мать девушки, пошла к сестре Создателя и сказала: *«Заговори головную боль моей дочери»*. Сестра Создателя ответила: *«Создатель сам вызвал эту болезнь, пусть он её и вылечит»*.

Тогда Создатель вернул обратно на прежнее место тех, кто стучал топором и резал ножом голову его дочери. После этого Создатель отправился в сторону рассвета, и когда он достиг его, то увидел маленький домик, в котором жила женщина. Женщина дала ему зайца. Создатель отнёс его домой и сделал из него повязку на голову для своей дочери. Заяц закричал и таким образом вылечил голову девочки. Раны на повреждённом черепе срослись. С каждым днём ей становилось все лучше, пока она полностью не выздоровела.

История, которая содержится в этом заклинании, такова: Создатель (или Большой Ворон) отправился в дикую местность, где встретил калу с его женой и забрал их к себе домой. У калы был топор, а у его жены – женский нож; и они начали рубить голову дочери Большого Ворона, из-за чего она страдала от головных болей. Мити отправилась к сестре Большого Ворона, чтобы попросить её заговорить свою дочь; но она была женщиной-шаманкой и знала причину болезни девочки, и ответила, что её отец сам вызвал болезнь и сам должен вылечить её. Мити вернулась домой и сказала своему мужу: *«Ты сам вызвал эту болезнь»*. Затем он взял двух калау и отнёс их обратно в дикую местность.

Чтобы вылечить раненую голову своей дочери, он отправился в сторону восхода солнца. Там он нашёл маленький домик, в котором жила женщина. Этой женщиной, согласно объяснению женщины, с чьих слов записано это заклинание, была само Солнце. Она дала Создателю зайца, чтобы он вылечил свою дочь. Он принёс зайца домой и повязал его вокруг головы своей дочери. Заяц закричал и вылечил её голову своим криком. Раны затянулись.

Здесь можно отметить, что заяц – важный амулет. Его рассматривают как сильное животное, враждебное калау. В сказке 74 Эмемкут убивает калау, подбрасывая в их дом заячью голову. Во время произнесения заклинаний заячья шерсть вплетается в волосы на повреждённых частях; а иногда и некоторые части зайца – такие, как его нос или часть уха – прикрепляются к шнурку-талисману. Поскольку в этой формуле говорится о зайце, чей крик должен вызвать исцеление, и поскольку на самом деле

амулет сделан из одной части или нескольких частей зайца, можно считать, что эти части служат заменой целого животного.

4. Заклинание для лечения воспаления на руке

Свободный перевод

Сын Создателя и Мити сказал: «Моя рука опухла!» Тогда Создатель сказал своей жене: «Мити, принеси мою куртку ворона и мой посох ворона!» Она принесла их. Создатель оделся и отправился к морю, посмотрел на него и пошёл к его пределам. Там он встретил пару – чайку и маленького зайца. Оба кричали, и от их крика прилив стал ниже, а берег начал высыхать. Создатель спросил их: «Для чего вы нужны?». Они ответили: «Нас используют для людей с опуханиями – как повязку на опухшее место. Когда мы оба кричим вместе, опухоль спадает». Тогда Создатель сказал: «Я заберу вас обоих к себе домой». Затем он отнёс их обоих домой и наложил их как повязку на опухоль своего сына. От их крика опухоль перестала увеличиваться. Затем, благодаря их крику, опухоль уменьшилась, и сын Создателя выздоровел.

Если больная – женщина, заклинание начинается словами: «Дочь Создателя и Мити». Создатель просит у Мити одежду и посох. Представление в тексте идеи о том, что крик чайки и зайца вызывают снижение прилива и уменьшение опухолей, является интересной. Вода отступает из-за криков чайки и зайца; и точно так же опухоль уменьшается из-за их криков. Конечно,

в повязке или амулете используются только части зайца или чайки, такие как заячья шерсть или клюв чайки, но эти части заменяют все животное целиком.

5. Заклинание от ревматизма в ногах

Свободный перевод

У сына Мити и Создателя заболели ноги. Тогда создатель сказал Мити: «Жена, принеси мою куртку ворона и мой посох ворона». Затем Создатель вышел и непрерывно смотрел на небо. Затем он полетел в сторону рассвета. Вскоре он увидел большую гору со стороны восхода солнца. Он добрался до этой горы, начал подниматься на неё, и, наконец, добрался до самой вершины. Там он нашёл собрание Трав. У всех их суставов были рты, которые постоянно жевали. «Для чего вы нужны?» – спросил их тогда Создатель. «Наши ноги болят», – ответили Травы; «и мы едим калау, которые причиняют нам боль».

Создатель извлёк это собрание Трав, привёз его к себе домой и перевязал ими ноги своего сына. Травы съели все калау, которые настигали ноги и причиняли боль. После этого у сына Создателя уменьшились страдания из-за ног, с каждым днём ему становилось все лучше и, в конце концов, он выздоровел.

В связи с этим текстом можно отметить, что упомянутая трава относится к семейству хвощовых, суставы которых считаются ртом, поедающим калау. Траву, заговорённую таким образом, обвязывают вокруг поражённой части.

1. The Jesup North Pacific Expedition. Memoir of the American Museum of Natural history / edited F. Boas. Leiden : E. J. Brill ; New York : G. E. Stechert, 1908. Vol. VI : Jochelson W. The Koryak. Religion and myths. P. 47–64.